

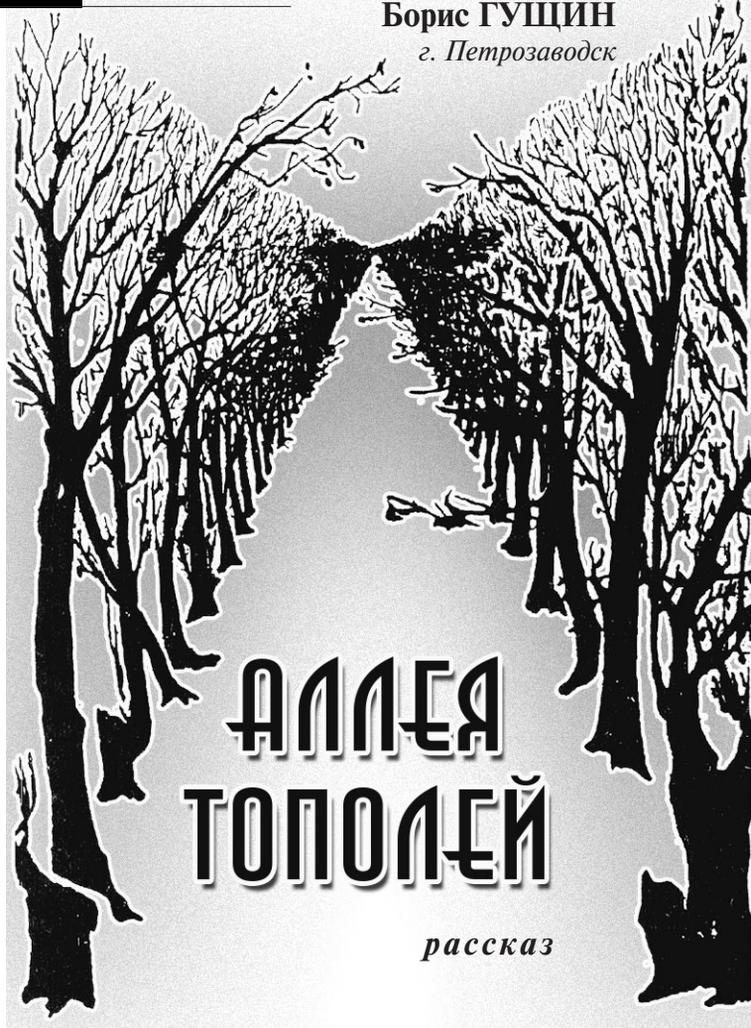
От редакции

*2014 год – год 300-летия Кижской
Преображенской церкви.
В связи с этим событием редакция
журнала «Север»
решила предоставить
свои страницы пишущим
сотрудникам музея «Кижы».
Остров, без сомнения, навевает
на многих живущих там
творческое вдохновение.
Два года работы в Кижках дали
основные темы для творчества
известному карельскому писателю
Виктору Пулькину.
Именно в Кижках жили
поэт и художник Алексей Авдышев
с супругой Валентиной Авдышевой
и прозаик,
бывший главный редактор «Севера»
Станислав Панкратов.
Творческая одарённость
присуща многим кижанам.
Но о чём бы они ни писали –
о Москве или Париже –
их на это вдохновил
остров Кижы,
остров великих былинников
Трофима Рябинина
и Василия Щеголёнка.*

Борис ГУЩИН

г. Петрозаводск

АЛЛЕЯ ТОПОЛЕЙ

рассказ

Ты что, совсем уже?! На поминках не чокаются! Конечно же, и я рада тебя видеть, но как-то всё это не к месту и не вовремя... Со слезами на глазах. Причём слёз-то, Венечка, гораздо больше, чем всего остального. Сорок лет почти прошло после окончания института. Нинка первая из нас ушла. Впрочем... Может, и не первая. Мы с тобой не всё про всех знаем. Ты же на встречи выпускников не ходишь. Вот и я тоже. Всего-то была на одной, наверное, на первой из шести. Если бы не Нинкины похороны, то, мне кажется, Веник, мы никогда бы не увиделись... Конечно, тебе-то все равно, а мне... Хочешь скажу, почему не ходишь на эти наши сборища? Хочешь?.. А я всё равно скажу... Ты боишься встретиться с Викой... Успокойся. Она ни разу не приезжала... А я почему?.. Потому что назы-

вается на «у»... И никогда не догадаться. Потому что ты никогда меня не замечал, хотя мы иногда и бывали в компании вместе с тобой. Мы же с твоей распрекрасной Викторией подружками считались. Только у меня, в отличие от неё, всегда была и есть совесть. Я на тебя, сволочь такую женатую, и глянуть боялась, хотя, повторюсь, иногда очень мило мы по кафешкам, помнишь, болтались...

Ладно, Нина, пусть земля тебе будет пухом... Ты ведь тоже с нами бывала постоянно. Наша комната была на троих...

Прямо уж и засмеяться нельзя. Да кто знает в этом полупустом кафе, что у нас не свидание двух, так скажем, не очень молодых людей, а поминки. Чего засмеялась?.. Вспомнила, что Вика часто называла тебя «старый, толстый, лысый Веник», хотя был ты тогда молод, строен и кудряв. Извини. Не могла удержаться. Вот бы сейчас Вика тебя увидела. Ухохотка. Ладно. Не обижайся. Да... Красивая пара была у вас. Помнишь, как вы заявились к Толику и Томке на свадьбу, хотя никто вас туда и не приглашал. Вика потом говорила, что свадьба уже на веранде ресторана гуляла и поэтому никак нельзя было мимо пройти. Вы тогда

вальс-бостон выдали. Все даже расступились. А вы... Сбацали — и дёрну. Эпатаж, милая Викуля. Эпатаж. А ты вообще телёнок. Тогда мы и слова такого не знали — «мачо». Мачо, мол, он. Вот ты таким и был внешне — мачо. А внутри — телёнок. Да ещё с говнецом... Не сердись. Дай мне выговориться. Может, больше и не встретимся. Не хочу ходить ни на чьи похороны. А больше нам, Венечка, и встретиться негде.

Вроде чайки кричат. Слышишь? Помнишь, как тогда они кричали? Пронзительно и страшно. Это когда мы с тобой и Ниной Вику насовсем провожали. Ей почему-то вздумалось на туристическом теплоходе уехать. Помнишь? Я до сих пор не могу понять: или это чайки так голосили, или Вика на верхней палубе: «Ве-е-е-ня! Ве-е-е-ня!» Я ведь с тех пор так её и не видела... Знаю,

что ты видел. Можешь не рассказывать. Давно это было. А сейчас... Жива ли она? Вика.

Давай ещё Нину нашу помянем, Венька... Слушай, если напьюсь, довезёшь меня домой на такси? Харэ?... Я, как нитка за иголкой, иногда за вами таскалась... На вокзале в ресторане, помнишь, музыкальный автомат стоял. Жетончик бросишь, нажмёшь кнопку, и пожалуйста тебе — «Аллея тополей» японцев каких-то... Во молодец, вспомнил: японский квартет «Дак дакс». Вика только эту кнопку и нажимала всегда. Поезда проходят мимо. А мы какое-то самое дешёвое столовое вино пьём и бутербродами с сыром закусываем. Выпьешь, закусишь, и снова в «Аллею тополей»...

А что я? Интереснее про тебя. Я слышала, что у вас с женой очень дружная пара. Вы, говорят, неразлучны. Везде и всюду вместе ходите... «Мы с Тamarой ходим парой». Да и тогда ты как-то ухитрился не развестись с ней.

Я поняла, что только сегодня смогу тебя поймать одного без жены... Говорят, кофе в постель, уборка, стирка — всё на тебе. Никогда бы не подумала...

А что ты думаешь, и у меня не хуже. Конечно, замужем. В моём возрасте быть не замужем просто неприлично... Муж кто?... Иван Пихто. Не всё ли равно тебе?! Как и мне, впрочем. Хотя мне раньше казалось, что у меня всё как у тебя, по любви. Он у меня и полы моет, и стиральной машиной управляет, и нестиральной тоже. Шашлычки-пикнички. Всё как у людей. То есть как у тебя, Вэн. Во всяком случае не хуже...

А вот Нина так и не вышла замуж. Давай за её упокой, Венечка...

Жизнь прожита... Ну не вся, так большая часть. Помнишь, Венечка, у Маяковского... «Родился. Со-сал соску. Жил. Работал. Стал староват. А жизнь прошла, как проплыли Азорские острова».

А напоследок я скажу, в чём счастье твоей жены. Все говорят, что она счастлива. Ая-то, дура, всю свою жизнь мечтала быть с тобой. Теперь не хочу. Не хочу быть счастливой. И Вика здесь ни при чём... Вру... В ней-то всё и дело. Оно, всё это бабье завидущее, вам с женой завидующее, не может понять одного. Про жену твою, как и раньше, ничего не могла сказать, так и теперь не могу. Бог с ней. Скажу про тебя... Твоё счастье, болван, заключается в полной слепоте, точнее, своеобразной душевной катаракте. Уж ты меня извини, Веник, за этот офти... офту... офтальмологический термин...

Счастье ваше, сволочь ты такая, прости меня Господи, заключается в том, что в любой женщине ты, Веня, видишь ВИКУ...

Вызови такси, Венечка... Ну, пожалуйста!

СИЦИЙ? СИЦИЙ. ПРЕЗЕЛЁНЫЙ? КРАСНЫЙ ШАР!

рассказ

Кире

Разум памяти возмущённо кипел. В лицах арбатцев, идущих навстречу, была исключительно праздность — как ленивая, так и кипучая. Где была деловитость, озабоченность днём сегодняшним и завтрашним, тем не менее окрашенная постоянной доброжелательностью как к ближнему, так и к дальнему? Дальнему — мне, приехавшему из своей тмутаракани в Москву через сорок лет. Так уж получилось по жизни, хотя когда-то в детстве и ранней юности столица не казалась мне чужой.

Нет, это арбатское офонарение с золотой фонтанной Турандот, конечно же, современно и вроде бы нравится молодым, но почему я не могу пройти в галерею театра Вахтангова, укрыться от палящего солнца и посмотреть афиши и фотографии текущего репертуара, как это было раньше? Оба входа на галерею забраны мерзейшего вида тюремными решётками и закрыты амбарными замками.

Москва была когда-то родней родной. В моём городке во время войны работала москвичка Елизавета Богдановна и жила с нашей семьёй, ещё не родившей меня, в одной коммуналке. Жили, по рассказам папы-мамы, дедушки-бабушки, душа в душу. И когда москвичка уезжала, то искренне и строго взяла со всех домочадцев обязательство — приехать в любое удобное время к ней в Москву в гости в такую же коммуналку на Арбате. Нет, не в такую, а

гораздо лучшую. С газом и унитазом... «У вас, конечно, тоже хорошо, но от удобств отвыкнуть невозможно».

После расставания прошло довольно-таки много лет. Уже был я. Ходил в какой-то, уже не помню в какой, класс. И вот наконец-то папа, мама и я поехали в Москву. Встреча была торжественной. Нам искренне радовались — как сама Елизавета Богдановна, так и её племянница Маша с пятилетней дочкой Иррой, жившие в соседней комнате, и радиолобитель Саша, занимавший комнатку рядом с кухней. Как ни странно, но самой большой, нет, даже не большой, а просто огромной, была тёмная прихожая с парой кресел, сквозь продранную обивку которых виднелась и чуждо пахла пересохшая рогожа, запах которой навсегда связал меня с тем давним Арбатом.

И где сейчас этот запах? А другой? Запах ванили вперемешку с вызывающим слюну ощущением жареных, а то и пережаренных орешков на тёмно-коричневой, блестящей на свету (ну прямо лаковая шкатулочка!) калорийной булочке за 10 копеек...

...Вот здесь и была та кондитерская, источавшая те нежно-пряные сладостные ароматы. И кому она помешала?..

...Гостеприимство Елизаветы Богдановны было поистине безграничным. Спать мы улеглись под столом на полу. Выручили соседские матрасы.

Подарками от нас были три солёные сёмжины: одна, самая большая, — Елизавете Богдановне, вторая поменьше — Маше и самая маленькая — радиолобителю. Ире я оторвал от сердца купленную на перроне в Волховстрое книгу любимого Маршака «Сказки, песни и загадки». Я же и прочёл её Иришке от корки до корки. И не раз. Так что мы оба запомнили её наизусть.

Экскурсия по Москве с Елизаветой Богдановной была на следующий день.

— Мы живём в доме, где всегда останавливался Александр Блок, приезжая в Москву. Здесь же у нас крохотный кинотеатрик арбатский «Арс». Фильмы здесь обычно идут вторым экраном.

Прямо у входа в кинотеатр пахло хорошим кофе. А я сообразил, что герои рыбаковских «Кортика» и «Бронзовой птицы» подрабатыва-

ли именно в этом кинотеатре. Мало того — они и жили в этом доме...

...Так и есть. Сейчас на доме мемориальная доска, посвящённая Анатолию Рыбакову. А вот Блоку — нет...

— ...А здесь рядом впритык дом, где жил после свадьбы Пушкин с Натальей Николаевной.

Вместо памятной доски на боковом входе я прочитал табличку: «Доктор Лурье. Мочеполовые болезни»...

...Сейчас Лурье нет, а Пушкин есть. Причём не один. Напротив своего дома он стоит памятником вместе с Натальей Николаевной...

В прихожей было несколько лампочек. Я их все включил. Иришка принесла большой красный мяч, и мы стали им играть. Плотненькая Иришка в красном купальнике очень ловко ловила мяч. Хотя я старался, чтобы она хоть раз его уронила. И всё это наше детское роскошество шло под Маршака.

— Мы гуляли по Неглинной!

— Заходили на бульвар?

— Нам купили!

— Синий-синий?

— Презелёный?

— Красный шар!

На углу Арбата и Плотникова был магазин «Диетпродукты», а на другой стороне улицы — «Консервы». Несмотря на малоэстетическое название, в «Диете» было всё свежайшее и вкуснейшее. Толстые языковые и телячьи колбасы, слегка припахивавшие копчёным молочные и сливочные сосиски, творожные, молочные и всякие другие кремы...

...Сейчас «Диеты» нет, а есть Окуджава. Наверное, из «Диеты» и вышел такой весёлый. Тогда ещё...

...А в «Консервах» — никаких консервов. Зато редкостные для того времени бананы и ананасы. Море разлитое всяческих соков и фруктов...

— ...А это кинотеатр «Юный зритель». Ты, Миша, будешь туда ходить.

— Елизавета Богдановна, а чего это они?

Я обратил внимание на то, что в арке справа от входа в кинотеатр несколько подростков, косящих под стилияг, стояли, прислонившись ухом к стене, а один смешно кривлялся, явно пытаясь подражать некоему модному стилю.

— Сегодня здесь повторно идёт американская «Серенада солнечной долины». А ребята музыку слушают. Очень хорошо слышно, когда вот так ухом прислонишься.

Я почему-то подумал, что и сама Елизавета Богдановна что-то здесь так слушала.

(А я в то лето в «Юном зрителе» насмотрелся всякой советской киноэкзотики. «Джувльбарс», «Каджана», «Гайчи»... Кто сейчас помнит эти фильмы? Мне тогда они понравились...)

...И вот «Юного зрителя» нет. Пустое место за зелёной сеточкой... Хоть что построят. Но построенное это никогда не заменит мне моего «Юного зрителя».

Слава богу, зоомагазин тот же самый. Правда, маленький какой-то, что ли, стал. И черепахи как бы скукожились. Те самые, наверное. Они ведь долго живут. Привет, черепашки...

— ...В «Прагу»¹ наверх вам, конечно, дорого вато. Зато внизу, прямо на углу Арбата и Поварской (язык не поворачивается назвать её Воровской)², есть кафе «Прага». Зайдите как-нибудь. Пообедайте. Дёшево и вкусно. Попробуйте торт «Пражский». Понравится — можно из кулинарии такой торт и домой прихватить...

...Ресторан и сейчас есть. Цены ещё более неподъёмные. А кафе нет. Вместо него — антикварный магазин с чудовищным ассортиментом. И такими же ценами...

Елизавета Богдановна тогда уделила нам максимум внимания. Мы полюбили столицу от Кремля до зоопарка, где Иришка смело погарцевала на пони. Я почему-то струсил. Наверное, Иришки застенялся...

...Второй раз в Москву я собрался уже лет так через двенадцать, будучи студентом провинциального вуза. С Елизаветой Богдановной мы изредка обменивались поздравительными открытками. И только. А тут она вдруг прислала письмо, написанное изменившимся, несвойственным ей, на редкость корявым почерком, где говорилось, что если я ещё не научился спать на полу под столом, то она будет рада меня видеть. Маша и Ира так же.

В квартире на Арбате почти ничего не изменилось. Разве что Елизавета Богдановна если и выходила из дома в поликлинику, то только с любимой Иришкой, которая в эти дни окончи-

ла десятый класс и собиралась на иняз. На симпатичную Машу годы не оказали никакого влияния, а Иришку превратили в привлекательную девушку, явное обаяние которой было несколько скрыто и защищено от окружающих скромностью, напоминающей равнодушие.

Я общался с Москвой в одиночку, тщетно пытаюсь прихватить с собой Иришку, которая вроде бы, правда без особого желания, была бы и не против сходить куда-нибудь со мной, но подступающие экзамены причинно затормаживали все попутные девичьи желания.

Однажды в театральной кассе на Арбате мне предложили два «горящих» билета на взрослый спектакль театра С. Образцова «И-го-го». Спектакль начинался через два часа. Я поспешил домой. Маша с Иришкой готовились к приёму каких-то гостей и в домашних нарядах готовили салаты. Ира, вся в слезах, резала лук. На ней были невообразимо красного цвета бу-мазейные чулки.

— Маша, я хочу пригласить Иру на спектакль «И-го-го» в театре Образцова. Спектакль через час.

— Иришка, хочешь — так иди.

Ира занудила:

— Ой, мамочка! Я бы хотела, да мне долго переодеться. С волосами что-то надо сделать. К тому же я вся в слезах. Глаза отмыть надо да накрасить. Не успею.

Ира сняла фартук. Домашнее платье в горошек в сочетании с ярко-красными чулками было сверхсмелым, но, как мне тогда казалось (да и сейчас кажется), стильным, лично Иринным и на редкость эффектным. Не вдаваясь в детали несуществующей моды, я произнёс:

— Времени у нас нет. Твой наряд, Ира, сногшибателен и произведёт фурор. Пошли!

Маша, критически оглядев дочь, сказала с некоторым сомнением:

— Может, Миша и прав. Да чего ты теряешь-то?! Если тебя на контроле пропустят, то всё в порядке. Я слышала, что спектакль очень интересный. Идите. Умойся только. Хорошо умойся.

И мы пошли.

— Миша, про что хоть спектакль?

¹ Ресторан.

² Поварская в годы советской власти называлась улицей Воровского.

– Не знаю. Наверное, про лошадок.
 – А почему тогда для взрослых, а не для детей?
 – Ну, наверное, не про пони, а про очень взрослых... (чуть ли не сказал: «кобыл») лошадей.

Спектакль действительно оказался совсем не «лошадиным». И-го-го – Институт гомонкулярных гомообразований, нечто вроде НИИЧАВО Стругацких. Только И-го-го, кажется, чуть постарше НИИЧАВО.

Много было в спектакле интересного, но особо ярко запомнился простенький маленький шарик на пальцах влюблённых героев. Шарик этот прозывался Бесом взаимного тяготения и был самым активным действующим лицом спектакля.

В антракте все без исключения с удивлением смотрели на Иришкины ноги. А некоторые мужчины с нескрываемым восхищением. Чего уж там! Ноги действительно были красивыми. И необычного окраса. И-го-го!

Когда после спектакля мы приехали на Арбат и вышли из метро, буквально через несколько секунд загрохотало небо и полилось. Тёплый проливной московский дождь. Ира сняла туфли и, как гусь лапчатый, шлёпала в своих вызывающих чулках по московскому мелководу. Мои же узконосые мокасины промокли так, что завтра, наверное, придётся их выбрасывать. Да. На завтра я так и сделал. Мы добежали до дома и остановились под аркой. Как хорошо, когда сухо. Под нами моментально натекли лужи. Из «Арса», который стал «Наукой и знанием», неслась маршевая музыка, которая, как мне теперь кажется, сопровождала всю нашу тогдашнюю жизнь.

А мы начали целоваться. Я уж не знаю, как это получилось. Я не спрашивал разрешения у Иры, а она не отталкивала меня, говоря: «не надо». Просто целовались, да и всё тут. Наш диалог вперемешку с поцелуями был следующим:

- Мы гуляли...
- Гуляли...
- Гуляли...
- По Неглинной...
- Заходили?
- На бульвар...
- Ужас какой! А и правда, на бульвар.
- Нам купили...
- Синий?
- Синий...

- Презелёный?
- Красный шар!

С каждой строчкой Ирка припечатывала меня по спине своими туфлями, причём не подошвами, а каблучками (садистка!), и я подумал: «Не дай бог ещё синяки на спине останутся и их утром может увидеть Елизавета Богдановна; начнёт выяснять, что это да откуда взялось».

В общем, мысли мои пошли явно не туда. Как начали, так и кончили. Весьма неожиданно.

Дома, переодевшись, за чаем мы наперебой выражали Маше свои восторги по поводу спектакля. Чуть позже эти же восторги «на бис» я излил Елизавете Богдановне.

Продолжалось моё одиночное общение со столицей. Ира погрязла в учебниках. А я вдруг заметил, что общаюсь-то я с красавицей столицей как бы нехотя, по самим придуманной обязанности, что ли. И решил уехать. Устроил прощальный ужин с «Пражским» тортом и миндальными пирожными. В прихожей все меня расцеловали (Ира в том числе) и проводили. Наказали, чтобы приезжал, как только будет возможность.

К несчастью, возможность эта исчезла. Вскоре умерла Елизавета Богдановна, а переписку с нами поддерживала только она. Маша с Ирой, очевидно, получили новую квартиру, и вполне возможно, что обе вышли замуж. (Кавалер в годах у Маши был.) Я не смог найти их по фамилиям через справочное.

Москва не забылась, но ездить туда я, кажется, перестал навсегда.

В своём городе я как-то зашёл постричься. В ожидании очереди взял в руки лежащий на столе весь замусоленный старый журнал мод. Листал без особого интереса. И вдруг – на одной из страниц: «У московских модниц в этом сезоне наиболее популярны ярко-красные чулки и колготы из натуральных тканей».

Я проржал «И-го-го» и вошёл в мужской зал...

– ...А это один из первых в России кинотеатров. «Художественный». Рядом метро. Старое «Арбатское». Говорят, что этот наземный вестибюль сделан по личному чертежу Кагановича. Он ведь был главным при строительстве метро. Ещё недавно метро его имя носило. Да бог с ним, с этим деятелем...

Какое счастье, что «Художественный» остался. Совсем недавно ещё какие-то горячие головы предлагали его снести.

И зачем я приехал в эту чужую мне теперь Москву. Всё родное исчезло, а если что-то и осталось, то это что-то настолько сусально приукрашено, что пахнет какой-то музейщиной, что ли. А уж Красная-то площадь! Днём там невообразимая «Хованщина» со стрельцами под предводительством Ленина и Сталина, а вечером попсовый концерт с полуголыми девицами, которым, на мой взгляд, хватило бы просто попрыгать. Петь-то зачем?!

Нет. Надо намыливаться из этой поповой столицы.

Пройдусь-ка я по всему Арбату до метро «Смоленская», и «карету мне, карету».

Вдруг среди уличных художников и торговцев началась какая-то дружная суетня. Всё убиралось и забиралось под соседние крытые тенты дорогих забегаловок.

Хорошо хоть, что хозяева пускают. Сейчас начнётся настоящий московский дождь, возможно ливень, приближение которого москвичи чувствуют, наверное, генетически. А до «Смоленской» мне ещё переть и переть.

Вот и жакнуло. Через несколько секунд начался ливень. Публика разделилась на идущих под зонтами, на бегущих спрятаться абы куда и на таких, как я, — просто и гордо идущих, с радостью принимающих на свою голову тёплые струи, дарованные небом. Я шёл, особо не смотря ни вперёд, ни по сторонам. В основном смотрел под ноги, чтобы не ступить в глубокие лужи. Не получалось. Вдруг меня что-то обожгло изнутри, и я поднял глаза. Навстречу мне медленно шла, кажется, уже не молодая, но стройная, хорошо сохранившаяся женщина. Она неожиданно остановилась. Разноцветные струи текли по её улыбающемуся лицу, разглаживая небольшие морщинки и преображая её в ту ещё Иришку. Она начала медленно снимать туфли и чуть слышно произнесла:

— Мы гуляли по Неглинной?

Какое счастье, что я ещё узнаваем.

— Заходили на бульвар!

НАМ КУПИЛИ СИНИЙ-СИНИЙ ПРЕЗЕЛЁНЫЙ КРАСНЫЙ ШАР!

СЕКУНДЫ О ЛЮБВИ

Быль

Страх прошёл. Всё в прошлом. В реанимации меня откачали. Ряд процедур был достаточно неприятен. Да ладно. Кое-что даже приятно вспомнить. Меня, как бравого солдата Швейка (того, правда, в сумасшедшем доме), чуть ли не на руках носили по всему длиннющему коридору в туалет по-большому. Заодно и развлечение: людей посмотреть и себя показать. Хотя на пациентов палаты интенсивной терапии народ смотрит без особой радости. Пожалуй, тут я не прав. Конечно же, с радостью. Вот везут его, болезного, покакать, а ведь запросто и очокуриться мог бы. Но радость эта на лицах встречающихся мимически какая-то, что ли, не очень симпатичная.

Да ладно. Всё это в прошлом.

Через две недели после выписки меня снова теперь уже не привезли, а пригласили на мониторинг сердца. Это значит целые сутки проходить по больнице и пролежать там же не меньше суток. С прибором на шее. Ну и ещё там пару суток анализов всяких. Кровь из вены, естественно, обязательно. В первую очередь. Вечером я получил талончик на кровь от медсестры Тони, которая, увидев меня, одновременно и радостно, и обеспокоенно спросила:

— Значит, снова к нам? Случилось что-то?

— Да нет. Всё в порядке. Спасибо всем вам! Мониторинг.

— Ясно. Утром жду на кровь.

Тоня на несколько секунд задержалась, как будто ещё что-то хотела сказать, но выпорхнула, не сказав больше ни слова. Впрочем, всё это могло мне просто показаться.

Все больные, а мужчины особенно, любили Тоню за то, что она была со всеми какая-то лёгкая, тихая, ласковая и безболезненная в своих вампирских делах. Вену находила моментально, чему я лично особенно удивлялся и радовался. Другие медсёстры в поисках нужного со-

суда до конечного результата успевали меня изрядно истыкать. Да и внешне Тоня была хоть и не моделью, но именно той женщиной, на которую оглядываются мужчины. Причём не с возгласом «О!», а с тихой тёплой улыбкой.

Наверное, именно таких медсестёр имела в виду моя племянница Лена, отправляя меня в больницу. Она, зная мою сентиментальность в отношении лиц женского пола, положила мне в карман пальто шоколадку и сказала:

– Иван Сергеевич, не закармливайте медсестёр шоколадом!

Лену я послушался и только раз перед выпиской передал в сестринскую коробку конфет. Право слово, они этого заслуживают.

Как ни странно, но я хорошо поспал с прибором на шее и утром пошёл к процедурной. К Тоне уже была толпа бабусь. Я не стал занимать очередь, решив, что подойду к Тоне последним, и пошёл к себе в палату.

Когда я примерно через час подошёл к процедурной, Тоня в марлевой маске уже выглядывала из-за приоткрытой двери:

– Где же вы? Я уже собиралась уходить.

– Тоня, простите. Честное слово, торопился.

– Да ну вас! Садитесь.

Тоня перетянула мне жгутом предплечье.

– Кулачком поработаем!

Она низко склонилась к моей руке и начала искать вену, не прикасаясь. Нашла.

– Поработали и хватит!

В вену была совершенно безболезненно введе-

на огромная игла. Внимательно глядя на неё, Тоня проговорила:

– Счастливый. И ничего-то у вас не случилось за эти две недели. А тут вот случилось...

Шприц медленно набирался кровью.

– ...У меня умер жених ... За три дня до этого мы подали заявление в загс...

Я как-то неловко в полном смущении сказал:

– Тоня, примите моё самое искреннее соболезнование...

– ...Правда, мы уже два года вместе жили... Он любил нас обоих... Всегда помогал нам...

– Кому – «нам»?

– У меня сын маленький... А тут прямо в подъезде упал... Выпивши, конечно, был...

– Он что, пьянствовал?

– Почему «пьянствовал»? Как и все. Ничуть не больше... У него эпилепсия была... Припадок... Головой об ступеньку...

Тоня набрала полный шприц и начала распределять кровь по пробиркам.

Я встал и уже двинулся к двери. Но ведь надо что-то сказать. Что?

– Тоня, вы молоды и красивы. Да в вас ещё не один мужчина влюбится!

Тоня печально произнесла:

– Так же говорит и моя лучшая подруга.

– Ну, вот видите. Так что всё у вас будет хорошо. Спасибо!

Уже в дверях меня настигла тихая фраза:

– Но у него не будет эпилепсии...

□

Борис Александрович ГУЦИН

(род. в 1941 г.).

Старший научный сотрудник

*Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижский».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

